

DOI [10.19181/demis.2026.6.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.2)EDN [KXRURJ](https://www.edn.ru/KXRURJ)

Научная статья

ИНДЕКС АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Иванова А. Е.*Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: ivanova-home@yandex.ru***Вангородская С. А.***Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: vangorodskaya@yandex.ru*

Для цитирования: *Иванова, А. Е. Индекс активного долголетия как инструмент оценки социально-демографической политики: проблемы использования и резервы повышения эффективности // А. Е. Иванова, С. А. Вангородская // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 1. С. 19–39. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.2). EDN [KXRURJ](https://www.edn.ru/KXRURJ).*

Аннотация. Объявленное ВОЗ Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.) ставит перед мировым обществом ряд задач, призванных максимально использовать потенциал пожилых людей, а проблема оценки эффективности реализации политики активного долголетия приобретает все большую актуальность. Попытки использования в России международного инструмента – Индекса активного долголетия (ИАД) – выявили трудности различного рода, что препятствует его применению, в том числе для межстрановых сравнений. Цель исследования – определить соответствие российским приоритетным национальным целям методологии ИАД, обозначить основные проблемы использования ее в России и определить резервы повышения эффективности Индекса как инструмента социально-демографической политики. По результатам анализа содержания российских стратегических документов в области активного долголетия, а также вторичного анализа социологических исследований выявлены проблемы использования методологии ИАД в России. В понятийном отношении – это противоречие между ключевыми доменами Индекса и наиболее актуальными проблемами в восприятии пожилых россиян; в методическом отношении – различия в структуре доменов и способах оценки весов для интеграции показателей в сводный индекс; в информационном отношении – частичная несопоставимость источников статистических данных и системы сбора социологической информации в России и странах ЕС. В работе определены резервы повышения эффективности методологии ИАД как инструмента социально-демографической политики. Они связаны с адаптацией структуры и содержания доменов к российским (региональным) приоритетам, уточнением весовых коэффициентов отдельных индикаторов и максимальным использованием статистической информации, собираемой на всей территории РФ по единой методике. Вместе с тем такие решения лишат российский вариант ИАД международной сопоставимости. Цели России по достижению активной, здоровой и полноценной жизни в старости сформулированы в соответствии с концептуальными международными документами, что позволяло рассчитывать на целесообразность использования международных инструментов для оценки эффективности реализации соответствующей политики в РФ. Выявленные проблемы использования ИАД в России свидетельствуют о необходимости разработки отечественного варианта инструментария, отражающего национальные приоритеты и ключевые задачи в сфере активного долголетия, имеющие информационные возможности на федеральном и региональном уровнях. Результаты исследования могут быть использованы при разработке и реализации федеральных и региональных программ активного долголетия.

Ключевые слова: активное долголетие, здоровое старение, продолжительность жизни, Индекс активного долголетия, пожилое население, демографическая политика

Введение

Объявленное Всемирной организацией здравоохранения Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.)¹ ставит перед мировым сообществом задачи, призванные в полной мере использовать потенциал пожилых людей, численность которых с каждым годом будет увеличиваться.

В России население старше трудоспособного возраста, по данным Росстата, составит к 2045 г. более 37 млн человек (или 26,9% от общей численности населения страны)², а коэффициент демографической нагрузки (согласно среднему варианту прогноза) – 468 пенсионеров на 1 000 человек трудоспособного возраста³.

В таких условиях задача увеличения продолжительности жизни, заявленная в качестве ключевой в национальных проектах и ряде стратегических документов, накладывает на необходимость увеличения ее активной составляющей, позволяющей гражданам пожилого возраста и после окончания трудовой деятельности вести полноценную и насыщенную жизнь, а государству – создавать для этого все необходимые условия и иметь надежный инструментарий для оценки динамики показателей активного долголетия как процесса «оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и защищенности человека с целью улучшения его качества жизни в ходе старения» [1].

Интерес к проблематике здорового старения и активного долголетия с каждым годом усиливается, охватывая все более широкий круг вопросов. Наибольшее развитие в научном дискурсе получили теоретико-методологические и методические основы изучения активного долголетия [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8], типологизация старения и жизненных сценариев представителей старших возрастов [9; 10; 11; 12; 13; 14], различные аспекты занятости пожилого населения и связанной с этим депривации в социально-трудовой сфере [15; 16; 17], материальные проблемы пожилых семей [18; 19], эффективность реализации федеральных и региональных проектов и программ в сфере активного долголетия [20; 21].

Проблема оценки эффективности реализации политики активного долголетия актуальна не только для России, но и для мирового сообщества в целом. Вместе с тем анализ источников, использующих дефиницию «активное долголетие» [5; 6] показывает, что трактовка данного термина зачастую неоднозначна, а критерии и показатели неполны и требуют доработки. Попытки выработки единых критериев к оценке достижения целей в области активного долголетия привели к созданию Индекса активного долголетия (Active Ageing Index – AAI) – интегрального показателя, позволяющего измерить степень реализации потенциала пожилых людей в достижении активного долголетия и оценить эффективность мер в рамках реализации Мадридского международного плана действий по вопросам старения⁴.

¹ Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.) // Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: <https://www.who.int/ru/initiatives/decade-of-healthy-ageing> (дата обращения: 12.03.2025).

² Демографический прогноз // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_3.xls (дата обращения: 21.01.2025).

³ Коэффициент демографической нагрузки // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Progn_4.xls (дата обращения: 21.01.2025).

⁴ Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (дата обращения: 11.02.2025).

Рассмотрение методологических и методических аспектов расчета Индекса активного долголетия и опыта его применения на уровне Российской Федерации и отдельных регионов представлено в отечественной и зарубежной литературе значительным количеством научных публикаций [22; 23; 24; 25; 26; 27]. В то же время комплекс вопросов, затрагивающих, в частности, резервы повышения эффективности ИАД как инструмента оценки социально-демографической политики, требуют дальнейшего исследования с обозначением основных проблем и выработкой рекомендаций в адрес органов власти и управления разных уровней.

Цель исследования – определить соответствие российским приоритетным национальным целям методологии Индекса активного долголетия, выявить основные проблемы ее использования в России и определить резервы повышения эффективности методологии ИАД как инструмента социально-демографической политики.

Результаты

Методология Индекса активного долголетия и ее соответствие национальным стратегическим документам в сфере здорового старения

Индекс активного долголетия был разработан в качестве инструмента, призванного обеспечить возможность межстранового сопоставления результатов для корректировки международных стратегических документов и выработки единых подходов к реализации политики активного долголетия на уровне отдельных регионов⁵. В состав Индекса входят четыре области (домена), формируемые на основе 22 индикаторов, количественные значения которых позволяют оценить как потенциал пожилых людей в отношении активного участия в различных сферах жизни общества, так и возможности окружающей их среды, способствующей или препятствующей реализации стратегий активного долголетия.

Предложенные Европейской экономической комиссией ООН международные весовые коэффициенты, указывающие на значимость каждого из четырех доменов («Занятость», «Участие в жизни общества», «Независимая, здоровая и безопасная жизнь», «Возможности и благоприятная среда для активного долголетия») и их вклад в совокупное значение ИАД, не являются фиксированными и допускают корректировку на уровне отдельных регионов с учетом страновой специфики и национальных приоритетов политики активного долголетия.

Методология расчета Индекса в Российской Федерации была утверждена Росстатом в 2019 г. и базируется на данных Всероссийских переписей населения, выборочных наблюдений, а также текущего статистического учета⁶.

В методических рекомендациях, изданных ООН в августе 2018 г. с целью изложения концептуальных и методологических основ расчета Индекса активного

⁵ Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне: Методические рекомендации. Август 2018 г. // Европейская экономическая комиссия ООН : [сайт]. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

⁶ Официальная статистическая методология расчета Индекса активного долголетия (в ред. Приказа Росстата от 24.05.2024 N 209) // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Metodika_rascheta_IAD.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

долголетия, указано на то, что «основная проблема при расчете ИАД для стран за пределами ЕС и на субнациональном уровне заключается в отсутствии гармонизованных источников статистики как на международном, так и на страновом уровнях»⁷.

Представленное на рис. 1 сопоставление международных и российских весовых коэффициентов (весов) в структуре ИАД позволяет сделать вывод о том, что более высокие, в сравнении с европейскими, значения весов присвоены российским экспертным сообществом таким доменам, как «Независимая, здоровая и безопасная жизнь» и «Возможности и благоприятная среда для активного долголетия». Меньшие значения весовых коэффициентов получили два других домена – «Занятость» и «Участие в жизни общества», что свидетельствует об их меньшем потенциале в контексте достижения целей национальной политики активного долголетия.

Рис. 1. Международные и российские весовые коэффициенты доменов в структуре Индекса активного долголетия (%)

Fig. 1. International and Russian weighting coefficients of domains in the structure of the Active Ageing Index (%)

Источник: составлено авторами по официальной статистической методологии расчета Индекса активного долголетия⁸

Распределение весовых коэффициентов между индикаторами, составляющими содержание доменов российского ИАД, в большинстве случаев аналогично международному. Однако есть и исключения. Так, например, в рамках национального подхода значимость физической активности среди лиц 55 лет и старше (15% против 10%) выше, что предопределено актуальностью данной проблемы для России, причем не только для пожилых граждан, но и лиц трудоспособного возраста.

⁷ Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне: Методические рекомендации. Август 2018 г. // Европейская экономическая комиссия ООН : [сайт]. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

⁸ Официальная статистическая методология расчета Индекса активного долголетия (в ред. Приказа Росстата от 24.05.2024 N 209) // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Metodika_rascheta_IAD.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

Еще один индикатор – «Независимое, самостоятельное проживание (75+)» – имеет существенно меньший, в сравнении с международным, весовой коэффициент (13% против 20%). Это может быть обусловлено, во-первых, более низкими показателями ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации, а, во-вторых, нарастанием в пожилых возрастах проблем со здоровьем, ограничением жизнедеятельности и инвалидностью, что делает тему самостоятельного проживания менее актуальной для пожилых россиян в сравнении с их европейскими сверстниками. Именно поэтому в масштабах страны говорить о постановке задачи независимого и самостоятельного проживания для населения 75 лет и старше представляется пока преждевременным.

Исследователи выделяют целый ряд проблем, связанных с использованием ИАД в России и обусловленных как несовершенством инструментария (отсутствие гармонизированных статистических и социологических данных [26], алгоритмов расчета для отдельных регионов РФ; получение информации по ряду показателей Индекса не ежегодно, а один раз в два года [22, с. 129]; существенные отклонения от исходной международной методологии при расчета отечественного ИАД; сложность оценки значимости каждого из показателей в итоговое значение индекса [6, с. 41]), так и недооценкой социально-экономических, пространственных и социокультурных факторов [8], предопределяющих дифференциацию российских регионов и специфику реализации в них стратегий активного долголетия [6].

Не менее важной для России является проблема несопоставимости показателей и индикаторов, составляющих содержание Индекса активного долголетия, с плановыми показателями стратегических и программных документов федерального и регионального уровней, разработанных в рамках реализации политики активного долголетия.

Первый из числа четырех доменов ИАД – **«Занятость»**, имеющий весовой коэффициент 30% и рассчитываемый Росстатом по совокупности четырех индикаторов на основании ежеквартального выборочного обследования рабочей силы (ОРС)⁹ – не упоминается ни в целях проекта «Продолжительная и активная жизнь», ни в его основных мероприятиях, ни в связанных с ним федеральных проектах.

В Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г. в качестве одной из задач заявлено «создание экономических, социальных и правовых условий, <...> способствующих стимулированию пожилых людей к продолжению трудовой деятельности»¹⁰, тем не менее, индикаторы, позволяющие оценить степень реализации данной задачи, в программе отсутствуют.

В паспорте национального проекта «Демография» (2019–2024 гг.) непосредственное отношение к домену «Занятость» имела «организация мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста» с целью поддержки «их занятости, в том числе в части обеспечения их конкурентоспособности на рынке труда». Для этих

⁹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 11.02.2025).

¹⁰ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года // Министерство труда и социальной защиты РФ : [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programs/37/2> (дата обращения: 08.03.2025).

целей проект предусматривал «обучение граждан предпенсионного возраста востребованным в экономике навыкам и компетенциям. В результате реализации указанных мероприятий начиная с 2019 г. будет обучено ежегодно не менее 75 тысяч человек, таким образом к концу 2024 г. будет обучено не менее 450 тысяч человек»¹¹.

В федеральном проекте «Содействие занятости», входящем в нацпроект «Демография», граждане 50 лет и старше названы в качестве одной из целевых групп, на которых направлены основные мероприятия проекта. Однако в таблице основных результатов проекта за 2020–2024 гг., связанных, в частности, с получением документов о профессиональном образовании и повышении квалификации, нет разбивки по возрастным группам, и, следовательно, оценить долю вклада населения предпенсионного и пенсионного возрастов в достижение целевых показателей не представляется возможным.

В числе задач еще одного документа – Государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения», рассчитанной на период до 2030 г. и сформулированной в соответствии с национальными целями, прописана возможность повышения квалификации и приобретения дополнительных знаний и навыков для населения различных возрастных и социальных групп, включая граждан в возрасте 50 лет и старше. При этом в качестве единственного показателя, характеризующего достижение национальных целей в отношении данной группы, указано «отношение максимального размера пособия по безработице гражданам предпенсионного возраста к величине прожиточного минимума трудоспособного населения»¹².

Аналогичная ситуация складывается с анализом индикаторов, входящих в состав домена «Участие в жизни общества», имеющего в Индексе активного долголетия вес 27%. Индикаторы и соответствующие им показатели, отражающие участие пожилых россиян в жизни общества посредством волонтерской и политической деятельности, ухода за детьми, внуками, больными и инвалидами, рассчитываются Росстатом на основании ежеквартального выборочного обследования рабочей силы (ОРС)¹³, а также итогов комплексного наблюдения условий жизни населения, которое проводится один раз в два года.

К примеру, показатель индикатора «Волонтерская деятельность» включает долю «лиц в возрасте 55 лет и более, регулярно принимающих участие в неоплачиваемой волонтерской (добровольческой) деятельности в течение года».

В утвержденном распоряжении Правительства РФ от 23.06.2021 г. № 1692-р плане мероприятий на 2021–2025 гг. по реализации второго этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г. развитие «серебряного» добровольчества (волонтерства) прописано в качестве отдельной группы акций, реализуемых, в частности, посредством открытия

¹¹ Паспорт национального проекта «Демография» // Министерство труда и социальной защиты РФ : [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/41/62/НП%20Демография.pdf> (дата обращения: 11.02.2025).

¹² Государственная программа Российской Федерации «Содействие занятости населения» // Министерство труда и социальной защиты РФ : [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programs/3/1> (дата обращения: 11.02.2025).

¹³ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 11.02.2025).

региональных центров «серебряного» добровольчества (волонтерства), проведения Всероссийского грантового конкурса¹⁴. В то же время в программных документах не заложены ни количественные значения, позволяющие отслеживать динамику численности региональных центров, грантовых конкурсов, ни показатели доли пожилых граждан, участвующих в волонтерской деятельности с тем, чтобы при расхождении с указанными в ИАД значениями скорректировать действия государства в данном направлении.

Еще более сложная ситуация складывается в отношении индикатора «Участие в политической жизни», измеряемого Росстатом аналогично предыдущему, но при этом ни разу не названного ни в национальном проекте «Продолжительная и активная жизнь», ни в Плана мероприятий на 2021–2025 гг.¹⁵ по реализации второго этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г., а в самой Стратегии упомянутого дважды вскользь и чисто формально.

То же самое относится к индикаторам домена **«Независимая, здоровая и обеспеченная жизнь»**, из которых в Стратегии озвучены два, связанные с физической активностью и независимым проживанием, а в конечном счете все сводится к последнему, находя отражение в обеспеченности геронтологическими койками и повышении мобильности лиц с ограниченными возможностями, включая инвалидов-колясочников.

Таким образом, даже краткий анализ основных стратегических документов, реализуемых в рамках политики активного долголетия, позволяет сделать вывод о том, что цели России, сформулированные в соответствии с концептуальными международными документами и характеризующие активную, здоровую и полноценную жизнь в старости, трансформируются в процессе реализации национальных программ и проектов в перечень достаточно узких утилитарных задач, осуществляемых под лозунгом достижения активного долголетия, но практически направленных на обеспечение неотложных нужд пожилых людей с серьезными проблемами здоровья. Причем многие ключевые индикаторы активного долголетия, присущие различным аспектам трудовой, общественной и политической активности, прописаны декларативно, а некоторые (к примеру, «независимое и самостоятельное проживание») по своей сути сводятся к зависимому проживанию, ограничиваясь мерами по обеспечению пожилых людей стационарными койками в геронтологических отделениях.

Что касается четвертого домена – **«Возможности и благоприятная среда для активного долголетия»**, характеризующего условия, предоставляемые государством и способствующие/препятствующие реализации стратегий активного долголетия, то наибольшие веса в нем присвоены индикаторам, оценивающим ожидаемую продолжительность жизни, долю лет здоровой жизни и психологическое благополучие пожилых россиян. При общей более высокой значимости веса четвертого

¹⁴ План мероприятий на 2021–2025 годы по реализации второго этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/mOulvLA8IUx11GkcEd4jWqdl4HZXZBc6.pdf> (дата обращения: 11.02.2025).

¹⁵ Там же.

домена в национальном ИАД в сравнении с международным (23% против 20%), указанные выше индикаторы имеют, по мнению российских экспертов, меньшую значимость для национальной политики активного долголетия в отличие от индикаторов, характеризующих социальные связи пожилых людей и использование ими ИКТ (рис. 2).

Рис. 2 Международные и российские весовые коэффициенты индикаторов домена «Возможности и благоприятная среда для активного долголетия» (%)
Fig. 1. International and Russian weighting coefficients of indicators in the domain “Opportunities and favorable environment for active longevity” (%)

Источник: составлено авторами по официальной статистической методологии расчета Индекса активного долголетия¹⁶

Представленные ранее индикаторы в той или иной степени находят отражение в стратегических национальных документах, в том числе в реализуемом с 2025 г. нацпроекте «Продолжительная и активная жизнь». Вместе с тем, например, значения индикаторов, характеризующих психологическое благополучие и социальные связи пожилых россиян, формируются на основе субъективных оценок и сопоставление их с конкретными мероприятиями, реализуемыми в рамках национальных программ и проектов с тем, чтобы оценить степень управленческого воздействия, достаточно проблематично.

Считаем целесообразным озвучить еще одну проблему, на которой в марте 2025 г. акцентировали внимание в Госдуме в связи с получившей распространение на федеральном и региональном уровнях практикой корректировки в конце года паспортов программ и проектов с целью приведения целевых показателей

¹⁶ Официальная статистическая методология расчета Индекса активного долголетия (в ред. Приказа Росстата от 24.05.2024 N 209) // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Metodika_rascheta_IAD.pdf (дата обращения: 12.03.2025).

к фактически достигнутым¹⁷. На фоне того, что в 2023 г. около половины субъектов РФ не достигли целевых индикаторов ОПЖ, прописанных в государственной программе «Развитие здравоохранения»¹⁸, «лакировка» полученных результатов может рассматриваться как одно из существенных препятствий на пути объективного анализа мер, осуществляемых в рамках политики активного долголетия.

Представления россиян об активном долголетии

Проблема несоответствия показателей ИАД и целевых индикаторов стратегических документов, реализуемых в рамках политики активного долголетия – это важная, но далеко не единственная в ряду проблем, связанных с использованием Индекса активного долголетия в России.

Не менее значимым представляется расхождение между содержательным наполнением ИАД и представлениями об активном долголетии самих россиян.

Безусловно, политика активного долголетия, осуществляемая в Российской Федерации на протяжении последних лет, принесла определенные плоды. Во-первых, опросы общественного мнения демонстрируют неуклонное смещение границ старости в массовом сознании к более поздним возрастам. Так, по данным опроса Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), проведенного в сентябре 2024 г., доля россиян, определяющих в качестве начала старости возрастной интервал 50–60 лет сократилась с 2005 по 2024 г. более чем в полтора раза (с 41 до 26%). Одновременно с этим настолько же выросла доля респондентов, ассоциирующих начало старости с возрастом 65–75 лет (с 14 до 24%).

Во-вторых, за почти 20-летний период доля россиян, не испытывающих страха перед старостью, возросла на с 58% до 73%, а убежденных в том, что в старости есть свои преимущества – более чем в два раза (с 20% в 2005 до 46% в 2024 г.)¹⁹.

В-третьих, позитивным трендом, косвенно свидетельствующим об успехах в реализации политики активного долголетия, можно считать укрепление «имиджа» старости как периода, не только связанного с ухудшением здоровья и воспринимаемого «в модусе отстранения от социального мейнстрима <...> через перечисление потерь, утрат» [9, с. 8], но и имеющего свои привилегии, а также представляющего дополнительные возможности для активной деятельности – как общественной, так и внутрисемейной.

Однако, по мнению значительной части пожилых россиян, основные преимущества старости связаны отнюдь не с возможностью продолжения активной трудовой деятельности. Так, пятая часть респондентов (21%) в качестве основного назвала отсутствие необходимости работать и появление времени для отдыха. В свою очередь, те, кто не видит в старости никаких преимуществ, обосновали это необходимостью продолжения трудовой деятельности, продиктованной нехваткой денег

¹⁷ Вячеслав Володин: Недопустимо, когда министерства в конце года меняют показатели выполнения госпрограмм // Государственная Дума : [сайт]. 20.03.2025. URL: <http://duma.gov.ru/news/61109/> (дата обращения: 09.03.2025).

¹⁸ Бескаравайная, Т. В 47 регионах не достигли целей по ожидаемой продолжительности жизни // Медвестник : [сайт]. 13.03.2025. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/V-47-regionah-ne-dostigli-celci-po-ojidaemoi-prodoljitelnosti-jizni.html> (дата обращения: 14.03.2025).

¹⁹ Старость // Фонд Общественное мнение : [сайт]. 15.10.2024. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/15082> (дата обращения: 09.03.2025).

и маленькими пенсиями (13%) и лишь потом – ухудшением здоровья и старческой немощью (10 и 5% соответственно)²⁰.

Показательно, что при максимальной весовой оценке домена «Занятость» в структуре ИАД, тема трудовой активности пожилых почти не представлена в научных публикациях по активному долголетию, о чем свидетельствуют результаты наукометрического анализа, проведенного Л. А. Видясовой и И. А. Григорьевой. Как полагают исследователи, такое «игнорирование» научным сообществом тематики занятости пожилых людей во многом объясняется негативными ассоциациями, которые вызвало у населения инициированное пенсионной реформой 2018 г. повышение пенсионного возраста [28, с. 18].

И если в 2005 г. доля россиян, считавших, что для страны было бы лучше, чтобы люди по достижении пенсионного возраста уходили на пенсию, была практически равной с теми, кто ратовал за продолжение трудовой деятельности (32 и 30% соответственно), то в 2024 г. такое расхождение составило уже 17% в пользу 47% россиян, которые высказались за прекращение работы после выхода на пенсию, мотивируя это тем, что нужно уступить дорогу молодым (21%), а пенсионеры должны успеть пожить для себя, отдыхая (14%) и заботясь о здоровье (4%)²¹.

Что касается продолжения трудовой деятельности, то ее необходимость обусловлена в первую очередь стремлением повысить уровень материального благосостояния – своего и своих семей. По данным того же опроса ФОМ, из 24% респондентов, положительно ответивших на вопрос о мерах, предпринимаемых ими для обеспечения благополучной старости, половина назвала откладывание денег и необходимость работать (для сравнения: варианты «веду здоровый образ» и «занимаюсь спортом» получили по 1%)²².

Акцент на материальной составляющей при рассмотрении проблематики активного долголетия не случаен. Наличие прямой взаимосвязи между уровнем материального благосостояния населения и медико-демографическими характеристиками неоднократно подтверждалось результатами теоретических и эмпирических исследований. В частности, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), полученным в апреле 2024 г., из общего числа респондентов только 33% оценили свое здоровье как «очень хорошее» и «хорошее» (8 и 25% соответственно). Среди россиян старших поколений – поколения оттепели (до 1947 г.) и поколения застоя (1948–1967 гг.) – таковых было еще меньше (по сумме ответов «очень хорошее» и «хорошее» – 12 и 18% соответственно). При этом в группе респондентов, позитивно оценивших материальное положение своей семьи, высокие оценки своему состоянию здоровья дали 55%, а среди россиян, считающих материальное положение своей семьи плохим или очень плохим, такая доля составила всего 16%²³.

²⁰ Старость // Фонд Общественное мнение : [сайт]. 15.10.2024. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/15082> (дата обращения: 09.03.2025).

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Здоровый образ жизни: мониторинг // ВЦИОМ : [сайт]. 22.05.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 14.03.2025).

Положительная корреляция выявлена между материальным благосостоянием и уровнем испытываемого стресса: из числа участников опроса ВЦИОМ (апрель 2024 г.), признавших свое материальное положение плохим или очень плохим, более трети признались в том, что постоянно или часто испытывают стресс (39%). Среди россиян с хорошим материальным положением таких оказалось только 9%, то есть в 4,3 раза меньше.

При рассмотрении проблематики активного долголетия показательно то, что из всех видов деятельности, способных снять стресс и напряжение, в пятерку предпочтительных, по мнению россиян, вошли прогулки (значимость которых за пять лет – с 2019 по 2024 – г. выросла с 7 до 11%), медитация (соответственно 9 и 11%), занятия физической культурой и спортом (6 и 9%), музыка (3 и 6%) и прием успокоительных средств (7 и 6%).

При этом некоторые из видов деятельности, включенных в Индекс активного долголетия, по оценке участников опроса, обладают низким «антистрессовым» потенциалом. Речь, к примеру, идет о работе (2019 г. – 5%, 2024 г. – 4%) и проведении времени с детьми и внуками (3 и 2%)²⁴.

Возможно, не стоит оставлять без внимания и такой факт, что участие в жизни общества (в широком понимании данного слова) никоим образом не ассоциируется у россиян с понятием здорового образа жизни. В частности, отвечая в ходе опроса ВЦИОМ (апрель 2024 г.) на вопрос «Что лично для Вас значит вести здоровый образ жизни?», 20% респондентов выбрали варианты, связанные с психологическим благополучием, физической активностью, общением и при этом лишь 1% вариант – «Активная жизненная позиция/ посещение мероприятий/ участие в общественной жизни»²⁵.

Справедливости ради следует отметить, во-первых, что акцент на необходимости активного участия пожилых в экономической, политической и общественной жизни характерен не только для России, во-вторых, поскольку изначально концепция активного долголетия разрабатывалась как политический конструкт, то вследствие этого его интерпретация была сужена до «продуктивного» старения, приносящего пользу обществу» [24, с. 97].

В России острота проблемы заключается еще и в том, что вынужденное продолжение трудовой деятельности с целью повышения уровня материального благосостояния фактически минимизирует шансы на неоплачиваемые виды активности пожилых россиян, в том числе политической и волонтерской [25, с. 219], которые входят в состав домена «Участие в жизни общества» и по рекомендации европейских экспертов [26] в 2016 и 2017 гг. были добавлены в российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ)²⁶.

²⁴ Управление стрессом // ВЦИОМ : [сайт]. 15.04.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/upravlenie-stressom> (дата обращения: 24.03.2025).

²⁵ Здоровый образ жизни: мониторинг // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 14.03.2025).

²⁶ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» : [сайт]. 19.11.2025. URL: <https://www.hse.ru/rf/mls/> (дата обращения: 22.02.2025).

Несмотря на декларативные заявления о необходимости развития добровольческого движения в стране в целом, и «серебряного» волонтерства как одной из форм проявления гражданской активности пожилых граждан, в обществе сложилось восприятие волонтеров как бесплатной рабочей силы, организуемой и направляемой государством [29, с. 30], в силу чего доля россиян, осведомленных о реализуемых в данной сфере проектах или участвующих в добровольческой деятельности, по-прежнему невелика, что не позволяет говорить о существенных успехах в этой области.

Согласно информации, представленной Росстатом по итогам 2021 г., волонтерская деятельность занимает одну из трех нижних позиций рейтинга и наряду с участием в политической жизни вносит наименьший вклад в Индекс активного долголетия (0,3%)²⁷.

Данные статистики подтверждаются результатами социологических опросов. Так, по итогам опроса, проведенного ВЦИОМ в ноябре 2022 г., за четыре года (с 2019 по 2022 г.) осведомленность россиян о конкретной деятельности волонтеров выросла всего на 7% (с 60% в 2019 до 67% в 2022 г.), а доля считающих, что сегодня люди занимаются волонтерской деятельностью больше, чем 10–15 лет назад, вообще уменьшилась на 3% (с 73% в 2019 до 70% в 2022 г.).

В группе респондентов 60 лет и старше доля тех, кто хорошо знаком с основными проектами и мероприятиями, составила в 2022 г. всего лишь 16%, а 50%, то есть каждый второй, выбрал вариант ответа «Что-то слышал, без подробностей».

Еще более показательным в плане реализации федеральных и региональных проектов в названной сфере и их информационного обеспечения можно считать тот факт, что 34%, то есть треть россиян в возрасте старше 60 лет вообще ничего не слышала о деятельности волонтеров в своем регионе²⁸.

Чрезвычайно важно предостеречь от однозначной оценки полученных результатов, которые могут не только исказить реальный уровень участия российских пенсионеров в волонтерской деятельности, но и отражать несовершенство инструментов оценки, фиксирующих активность в рамках волонтерских организаций и отставляющих без внимания те виды активности, которое по своей сути являются добровольческими, но формально к ним не относятся и/или не ассоциируются с ними в массовом сознании.

Обсуждение

Анализируя методологические особенности и методические сложности расчета ИАД в Российской Федерации, нужно не забывать о том, что этот инструмент, призванный служить различным научным и политическим целям, отражает текущую активность пожилых людей и направлен на измерение нереализованного потенциала данной категории граждан, выявляя разрыв «между желанием пожилых людей вносить вклад в общество и существующими возможностями, раскрывая структурные и культурные барьеры» [26].

²⁷ Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 17.01.2025).

²⁸ В волонтеры я б пошел! // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-volontery-ja-b-poshel> (дата обращения: 14.03.2025).

Весьма ярко этот разрыв проявляется в сфере занятости пожилых людей, а осмысление связанных с ним противоречий и ограничений фактически стало наиболее дискуссионным в научной среде. Учитывая тенденцию увеличения лиц пожилого возраста в структуре населения, акцент на необходимости продления периода трудовой активности как одном из способов снижения нагрузки на медицинскую и пенсионную системы вполне оправдан, но сопряжен с необходимостью преодоления определенных трудностей и разрешения противоречий.

Одно из противоречий, на которое указывают исследователи, с одной стороны, это формирование в массовом сознании образа «общества всех возрастов», «новой нормальности», при которой «продолжение трудовой деятельности не противоречит статусу пенсионера» [16, с. 29], а государство заинтересовано в привлечении пожилых граждан на рынок труда, с другой – их невостребованность в социально-трудовой сфере, а также проявление различных форм дискриминации в отношении данной возрастной группы не только со стороны работодателей и более молодых коллег, но и со стороны того же государства.

В качестве примера можно привести изменения в российском законодательстве, закрепившие неиндексацию пенсий работающим пенсионерам, следствием чего стало уменьшение их доли с 2015 по 2021 г. более чем на 15% (с 36% до 20,7%), в том числе за счет перехода из «белой» в «серую» занятость и фактического выдавливания на обочину рынка труда [29, с. 29].

Считаем важным подчеркнуть, что рассмотрение проблемы занятости пожилых людей не должно ограничиваться только экономической составляющей, хотя именно на нее, согласно результатам социологических опросов, делают упор сами пожилые респонденты. Решение о продолжении трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста может быть продиктовано не только желанием улучшить материальное положение (свое и своих близких) и/или сохранить привычный уровень жизни. Этот мотив, безусловно, является ключевым и по итогам исследований минимизирует для работающих пенсионеров риски бедности любого типа. Как результат – «91% из них не относится к бедным ни по доходам, ни по депривациям» [30, с. 61]. Однако зачастую не менее значимыми становятся для представителей старших возрастных групп мотивы передачи накопленного опыта, сохранения социальных связей (с друзьями и коллегами), поддержания физического и ментального здоровья, самореализации, то есть всего того, что декларируется в официальных стратегических документах в качестве важнейших составляющих активного долголетия.

В данной связи продолжение активной трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста характерно в первую очередь для тех, кто занимается любимым делом, научной или творческой деятельностью, являющейся, согласно результатам исследований, одним из значимых факторов долголетия [31, с. 415].

Еще одна проблема, связанная с использованием Индекса активного долголетия в России, заключается в существенных отклонениях данных, используемых при расчете индикаторов, от исходной международной методологии, что не может не отражаться на итоговых показателях. Это касается, например, индикаторов домена «Участие в жизни общества», а именно: волонтерской деятельности (который демонстрирует в России более высокие значения, поскольку, в отличие

от европейских стран, учитывает не только индивидуальную активность, но и членство в организациях), ухода за детьми и внуками (рассчитывающегося в Российской Федерации и европейских государствах исходя из разной интенсивности) [24, с. 103] и т. д.

Кроме того, при расчете ИАД необходимо учитывать неоднозначность оценки отдельных индикаторов. К примеру, высокие значения индексов, демонстрирующих вклад пожилых людей в уход за детьми, внуками и пожилыми людьми, могут отражать как культурно-историческую специфику России с традиционно высокой ценностью семьи и межпоколенных связей, так и свидетельствовать о недостаточной развитости системы государственного ухода, призванной разделить с пожилыми людьми ответственность в этой сфере.

Нельзя также не согласиться с теми из исследователей, которые, анализируя низкие показатели такого индикатора как «политическая активность», обращают внимание на его негативную коннотацию в сознании россиян и на то, что данный индикатор ограничивает поле деятельности пожилых людей только сферой политики и не учитывает такие ее формы, как, например, гражданская и/или религиозная активность [24, с. 110; 27].

Отдельного внимания заслуживает оценка уровня материального благополучия пожилых людей, которая складывается на основе значений трех индикаторов домена «Независимая, здоровая и активная жизнь» – уровня доходов, отсутствия риска бедности и тяжелых материальных лишений, имеющих по аналогии с ААИ одинаковые весовые коэффициенты – 10%. Использование для расчета не одного, а нескольких индикаторов представляется целесообразным, поскольку дает более полное представление о причинах и степени тяжести проблемы материальной депривации пенсионеров.

Наличие в ААИ нескольких индикаторов, характеризующих материальную состоятельность/несостоятельность, свидетельствует о значимости проблемы бедности пожилого населения для всего международного сообщества, а их сопоставление может дать представление о дифференциации пожилого населения по уровню материальной обеспеченности, формам проявления депривации и степени маргинализации на уровне отдельных стран и регионов.

В России материальная проблематика требует дополнительного внимания и обсуждения, поскольку, уходя с рынка труда, российские пенсионеры в значительной массе переходят в категорию потребителей «рынка дешевых товаров» [18, с. 12], и даже не имея долгов по платежам и кредитам, зачастую сталкиваются с различными формами депривации (лишений) и начинают существенно ограничивать себя даже в том, что относится к базовым материальным потребностям. Основываясь на итогах репрезентативного опроса домохозяйств ветеранов труда (N=1 890), П. О. Кузнецова приходит к выводу о том, что «распространенность этих лишений столь велика, что они в известном смысле и не являются отклонением от социальной нормы для пожилых граждан России» [32, с. 33].

В этом смысле проблема использования ИАД как концептуальной основы национальной политики активного долголетия сводится еще и к тому, что индекс в число ключевых показателей включает занятость, активную общественную деятельность и здоровую, независимую жизнь, а сами пожилые россияне в качестве

насуточных проблем указывают на бедность, ухудшение здоровья, трудности в использовании цифровых технологий и одиночество²⁹. Причем одиночество зачастую может быть как раз следствием «независимого, самостоятельного проживания» – индикатора, имеющего в домене «Независимая, здоровая и безопасная жизнь» вес 20%.

Решение проблемы межрегионального сравнения показателей, входящих в ИАД, возможно посредством создания инструмента оценки, использующего статистические данные, которые собираются на регулярной основе (ежегодно) и доступны для всех субъектов РФ. Один из таких альтернативных инструментов, предложенных и опробованных Е. В. Васильевой на данных за 2020 г. [22], основан на расчете Индекса активного долголетия в регионах РФ с использованием показателей, отражающих ситуацию в отношении здоровья, трудовой активности и безопасности пожилого населения.

Заслуживает внимания предложение В. И. Алешниковой и коллег о разработке на уровне регионов целевых показателей, характеризующих социальную (общественно значимую) эффективность реализации региональных программ и проектов активного долголетия, которая не менее важна, чем эффективность экономическая [20, с. 90].

Представляется целесообразным также включение в число показателей ИАД различных видов «непродуктивной» активности (занятия различными видами творчества, чтение, духовные практики, посещение культурных, спортивных и иных мероприятий, туристические и экскурсионные поездки и пр.), оказывающей существенное положительное влияние на социальное, физическое и психологическое самочувствие, на что неоднократно обращали внимание отечественные и зарубежные исследователи [24, с. 109; 33].

И здесь необходимо обратиться к документу ВОЗ, опубликованному в рамках Десятилетия здорового старения, в котором акцентируется внимание на рассмотрении здорового старения как в большей степени укрепления «функциональных способностей, которые позволяют пожилым людям заниматься видами деятельности, представляющими для них ценность»³⁰. Для них, а не только для государства.

Разрешение противоречия между потребностями государства и общества, с одной стороны, желаниями и возможностями пожилых людей – с другой, а кроме того, выстраивание государственной политики на основе разумного баланса между интересами индивида и государства – это та задача, которая представляется особенно актуальной.

Заключение

Достижение здорового и активного долголетия провозглашается на протяжении последних лет как одна из важнейших целей государственной политики Российской Федерации, что обусловлено объективными долгосрочными демографическими тенденциями старения населения, с одной стороны, потребностями

²⁹ Жить долго, жить хорошо! // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-dolgo-zhit-khorosho> (дата обращения: 12.03.2025).

³⁰ Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.). Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: <https://www.who.int/ru/initiatives/decade-of-healthy-ageing> (дата обращения: 12.03.2025).

снижения социально-экономической нагрузки и вовлечения потенциала пожилых людей в производительные процессы, – с другой.

Цели России, сформулированные в соответствии с концептуальными международными документами, по достижению активной, здоровой и полноценной жизни в старости трансформируются в процессе реализации национальных программ и проектов в перечень достаточно узких утилитарных задач, реализуемых под лозунгом достижения активного долголетия, но практически направленных на обеспечение неотложных нужд пожилых людей с серьезными проблемами здоровья.

Использование международного инструментария для оценки прогресса социально-демографической политики в сфере активного долголетия сталкивается с целым рядом сложностей. В понятийном отношении – это противоречие между ключевыми доменами Индекса активного долголетия и наиболее актуальными проблемами в восприятии пожилых людей в России; в методическом отношении – различия в структуре доменов и способах оценки весов для интеграции показателей в сводный индекс; в информационном отношении – в наличии частичной несопоставимости источников статистических данных и системы сбора социологической информации в странах ЕС, разработавших инструментарий, и России.

Анализ опыта применения ИАД показал, что для использования на национальном и региональном уровнях для оценки достижений политики активного долголетия методология Индекса нуждается в адаптации к российским (региональным) приоритетам, уточнении весовых коэффициентов отдельных индикаторов и максимальном использовании статистической информации, собираемой на всей территории Российской Федерации по единой методике. Вместе с тем такие решения лишают российский вариант Индекса активного долголетия международной сопоставимости.

Список литературы

1. Концепция политики активного долголетия : научно-методический доклад НИУ ВШЭ : к XXI Апрельской Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Л. Н. Овчарова, М. А. Морозова, А. В. Сидоренко [и др.] ; под ред. Л. Н. Овчаровой [и др.]. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 39 с. ISBN 978-5-7598-2070-3.
2. *Андреев, Е. М.* Действительно ли ожидаемая продолжительность жизни при рождении является наилучшим измерителем уровня смертности населения? // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8, № 2. С. 6–26. DOI [10.17323/demreview.v8i2.12780](https://doi.org/10.17323/demreview.v8i2.12780). EDN [GOPPVO](https://www.edn.ru/10.17323/demreview.v8i2.12780).
3. *Васильева, Е. В.* Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России. Екатеринбург : Институт экономики УРО РАН, 2022. 190 с. DOI [10.17059/661-5](https://doi.org/10.17059/661-5). EDN [WCVYKM](https://www.edn.ru/10.17059/661-5).
4. *Иванова, А. Е.* Потребность населения в долголетию и степень ее реализации // Социологические исследования. 2013. № 2(346). С. 120–129. EDN [PWUQRJ](https://www.edn.ru/10.17323/socsci.2013.2.120-129).
5. *Иванова, А. Е.* Активное долголетие: дефиниция понятия, основные детерминанты и противоречия / А. Е. Иванова, С. А. Вангородская // Вопросы управления. 2024. № 3(88). С. 38–51. DOI [10.22394/2304-3369-2024-3-38-51](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-38-51). EDN [IDDCXW](https://www.edn.ru/10.22394/2304-3369-2024-3-38-51).
6. *Калачикова, О. Н.* Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия / О. Н. Калачикова, А. В. Короленко, Л. Н. Нацун // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1(173). С. 20–45. DOI [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209). EDN [TYOGUM](https://www.edn.ru/10.14515/monitoring.2023.1.2209).
7. *Синдяшкина, Е. Н.* Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в контексте Десятилетия здорового старения ООН // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 1. С. 40–53. DOI [10.20542/afij-2022-1-40-53](https://doi.org/10.20542/afij-2022-1-40-53). EDN [CNQOPV](https://www.edn.ru/10.20542/afij-2022-1-40-53).

8. Carroll, M. Ageing Well Across Cultures / M. Carroll, H. P. Bartlett // Routledge Handbook of Cultural Gerontology / Ed. by J. Twigg, W. Martin. London : Routledge, 2015. Pp. 285–292. DOI [10.4324/9780203097090](https://doi.org/10.4324/9780203097090).

9. Елютина, М. Э. Старость в контексте возрастных переходов / М. Э. Елютина, Ю. А. Семенова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, № 1. С. 4–11. DOI [10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11). EDN [CRTDDS](https://edn.ru/CRTDDS).

10. Rogozin, D. M. Здоровый образ жизни в старости // Социология власти. 2024. Т. 36, № 2. С. 55–77. DOI [10.22394/2074-0492-2024-2-55-77](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-55-77). EDN [OHBNJY](https://edn.ru/OHBNJY).

11. Rogozin, D. M. Счастье и свобода в старости: власть, секс, путешествия // Социодиггер. 2022. Т. 3, № 5–6(18). С. 30–41. EDN [LVGYEF](https://edn.ru/LVGYEF).

12. Русанова, Н. Е. «Демография старости» в России и в мире // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов: Математика. Компьютер. Образование. 2024. № 31. С. 116–131. DOI [10.20537/mce2024econ10](https://doi.org/10.20537/mce2024econ10). EDN [WKSYQP](https://edn.ru/WKSYQP).

13. Смолькин, А. А. Социология возраста и границы социального конструирования // Социология власти. 2019. Т. 31, № 1. С. 8–13. DOI [10.22394/2074-0492-2019-1-8-13](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-8-13). EDN [JWFXVE](https://edn.ru/JWFXVE).

14. Антонов, А. И. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие / А. И. Антонов, И. Б. Назарова, В. М. Карпова, С. В. Ляликова // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 3. С. 131–143. DOI [10.19181/population.2023.26.3.11](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11). EDN [TVZORY](https://edn.ru/TVZORY).

15. Авраимова, Е. Социальное самочувствие и возможности самореализации: расхождение доходных и возрастных групп населения / Е. Авраимова, Д. Логинов // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25, № 11. С. 70–73. EDN [YQIRKH](https://edn.ru/YQIRKH).

16. Видясова, Л. А. Карьерные ожидания пожилых в России: на основе анализа базы резюме с портала Роструда «Работа России» / Л. А. Видясова, И. А. Григорьева, А. С. Кривошапкина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 1(179). С. 26–47. DOI [10.14515/monitoring.2024.1.2430](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2430). EDN [OKOFJO](https://edn.ru/OKOFJO).

17. Кошарная, Г. Б. Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект / Г. Б. Кошарная, Е. В. Щанина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 3. С. 481–493. DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493). EDN [JKBQLF](https://edn.ru/JKBQLF).

18. Елютина, М. Э. Повседневная жизнь пожилой семьи: стратегия планирования и жесткой экономии ресурсов / М. Э. Елютина, Г. И. Болотов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17, № 1. С. 10–14. DOI [10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14). EDN [YIOOLX](https://edn.ru/YIOOLX).

19. Назарова, И. Б. Старшее поколение: особенности коммуникации с детьми // Народонаселение. 2024. Т. 27, № S1. С. 81–93. DOI [10.24412/1561-7785-2024-S1-81-93](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-81-93). EDN [SVSVZV](https://edn.ru/SVSVZV).

20. Алешникова, В. И. Социальный эффект реализации стратегий активного долголетия / В. И. Алешникова, Т. А. Бурцева, З. А. Нуриддинов // Управление. 2020. Т. 8, № 4. С. 86–93. DOI [10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93). EDN [KOXBNI](https://edn.ru/KOXBNI).

21. Корнилова, М. В. «Активное долголетие»: поиск ответов на новые вызовы (на примере программы «Московское долголетие») // Дискурс. 2023. Т. 9, № 6. С. 74–89. DOI [10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89). EDN [BJUKVF](https://edn.ru/BJUKVF).

22. Васильева, Е. В. Индекс активного долголетия в регионах России: альтернативный подход / Е. В. Васильева // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 3. С. 128–143. DOI [10.19181/population.2022.25.3.10](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.10). EDN [UMOKEF](https://edn.ru/UMOKEF).

23. Лаврикова, Ю. Г. Концепция активного долголетия как инструмент обеспечения экономической безопасности территории в условиях старения населения / Ю. Г. Лаврикова, Е. В. Васильева // Экономика и управление. 2022. Т. 28, № 1. С. 25–32. DOI [10.35854/1998-1627-2022-1-25-32](https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-1-25-32). EDN [MPRHU](https://edn.ru/MPRHU).

24. Синявская, О. В. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? / О. В. Синявская, А. А. Червякова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5(171). С. 94–121. DOI [10.14515/monitoring.2022.5.2043](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2043). EDN [GNFMLV](https://edn.ru/GNFMLV).

25. Фролова, Е. А. Индекс активного долголетия в регионах Сибири / Е. А. Фролова, В. А. Маланина // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 1. С. 209–222. DOI [10.17059/ekon.reg.2021-1-16](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-16). EDN [RESRUA](https://edn.ru/RESRUA).

26. *Varlamova, M.* Active Ageing Index (AAI) in Non-EU Countries and Subnational Level. Brussels : UNECE, 2018. 47 p. DOI [10.13140/RG.2.2.26188.87682](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26188.87682).
27. *Zaidi, A.* The New Asian Active Ageing Index for ASEAN+3 / A. Zaidi, J. Um // Asia-Pacific Sustainable Development Journal. 2021. Vol. 28, № 1. Pp. 33–64. DOI [10.18356/26178419-28-1-2](https://doi.org/10.18356/26178419-28-1-2).
28. *Видясова, Л. А.* Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования / Л. А. Видясова, И. А. Григорьева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16, № 1. С. 4–26. DOI [10.21638/spbu12.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.101). EDN [NXUANC](https://www.edn.net/NXUANC).
29. *Григорьева, И. А.* Поле изучения занятости пожилых. Пересечение интересов государства, общества, семей и пожилых // Персонал старшего возраста как человеческий капитал современного общества: условия, возможности, ограничения : Сборник материалов дискуссионной площадки VI Всероссийского социологического конгресса, Санкт-Петербург, 09 декабря 2021 г. Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 25–33. EDN [QFXFUM](https://www.edn.net/QFXFUM).
30. *Корчагина, И. И.* Материальные депривации в оценках бедности / И. И. Корчагина, Л. М. Прокофьева, С. А. Тер-Акопов // Народонаселение. 2019. № 2. С. 51–63. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00015](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00015). EDN [JFLDAB](https://www.edn.net/JFLDAB).
31. *Анисимов, В. Н.* Продолжительность жизни и долгожительство у представителей творческих профессий / В. Н. Анисимов, Г. М. Жаринов // Успехи геронтологии. 2013. Т. 26, № 3. С. 405–416. EDN [RBXKUX](https://www.edn.net/RBXKUX).
32. *Кузнецова, П.* Недоходная бедность пожилых // ЭКО. 2018. № 3(525). С. 27–43. EDN [TIVZID](https://www.edn.net/TIVZID).
33. *Ferrer, J. G.* Social Tourism and Healthy Ageing / J. G. Ferrer, M. F. Sanz, E. D. Ferrandis, S. McCabe, J. S. Garsia // International Journal of Tourism Research. 2015. Vol. 18, № 4. Pp. 297–307. DOI [10.1002/jtr.2048](https://doi.org/10.1002/jtr.2048).

Сведения об авторах

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ivanova-home@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0258-3479](https://orcid.org/0000-0002-0258-3479); РИНЦ SPIN-код: [7621-8398](https://elibrary.ru/7621-8398); Web of Science Researcher ID: [R-7551-2016](https://orcid.org/R-7551-2016); Scopus Author ID: [24329092500](https://orcid.org/24329092500).

Вангородская Светлана Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vangorodskaya@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-1100-423X](https://orcid.org/0000-0002-1100-423X); РИНЦ SPIN-код: [1094-8083](https://elibrary.ru/1094-8083); Web of Science Researcher ID: [AAD-4597-2022](https://orcid.org/AAD-4597-2022).

Статья поступила в редакцию 12.11.2025; принята в печать 12.01.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ACTIVE AGEING INDEX AS A TOOL FOR ASSESSING SOCIO-DEMOGRAPHIC POLICY: PROBLEMS OF USE AND POTENTIAL FOR IMPROVING EFFICIENCY

Alla E. Ivanova

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ivanova-home@yandex.ru

Svetlana A. Vangorodskaya

Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vangorodskaya@yandex.ru

For citation: Ivanova, A. E., Vangorodskaya, S. A. Active Ageing Index as a Tool for Assessing Socio-Demographic Policy: Problems of Use and Potential for Improving Efficiency. DEMIS. Demographic Research. 2026. Vol. 6, No. 1. Pp. 19–39. DOI [10.19181/demis.2026.6.1.2](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.1.2). (In Russ.)

Abstract. The Decade of Healthy Ageing (2021-2030), declared by the World Health Organization, sets a number of goals for the global community to maximize the potential of older people. The problem of evaluating the effectiveness of active aging policies is becoming increasingly important. Attempts to apply an international tool, the Active Aging Index (AAI) in Russia, have revealed various challenges that hinder its use, including cross-country comparison. The aim of this study is to assess the compatibility of the AAI method with Russian national priorities, identify major problems with its use in Russia and identify ways to increase the effectiveness of this index as a tool for socio-demographic policies. Based on an analysis of Russian strategic papers on active aging, as well as secondary analysis of social research, problems with using the AAI methodology in Russia were identified. Conceptually, there is a conflict between the core domains of the index and the most significant issues faced by elderly Russians. Methodologically, there are differences in domain structure and methods for calculating weights for combining indicators into a composite index. Informationally, this is caused by partial incompatibility of statistical data from different sources and sociological data collection systems in Russia and EU countries. This paper identifies opportunities to improve the effectiveness of AAI as a socioeconomic policy tool. Potential lies in adjusting the structure and contents of domains to reflect Russian (regional) priorities; refining weighting factors for individual indicators; and maximizing use of statistical data collected throughout Russia using a unified methodology. However, these decisions would deprive Russia's version of AAI international comparability, but Russia's goal of achieving active, healthy and fulfilling lives in old age is consistent with international conceptual documents, suggesting the feasibility of applying international tools to evaluate implementation of relevant policy in Russian Federation. Identified challenges with using Active Aging Index in Russia underscore the need for developing a domestic tool that reflects national objectives and priorities in active aging as well as available information resources at federal and regional level. Study results can inform the development and implementation of federal and regional active aging programs.

Keywords: active longevity, healthy aging, life expectancy, active ageing index, elderly population, demographic policy

References

1. *Kontseptsiya politiki aktivnogo dolgoletiya [Active ageing policy concept]: scientific and methodological report of the National Research University Higher School of Economics: for the XXI April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development, Moscow, 2020.* L. N. Ovcharova, M. A. Morozova, A. V. Sidorenko [et al.]; ed. by L. N. Ovcharova [et al.]. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. 39 p. ISBN 978-5-7598-2070-3. (In Russ.).
2. Andreev, E. M. Is Life Expectancy at Birth Really the Best Measure of Mortality in a Population? *Demographic Review*. 2021. Vol. 8, No. 2. Pp. 6–26. DOI [10.17323/demreview.v8i2.12780](https://doi.org/10.17323/demreview.v8i2.12780). (In Russ.).
3. Vasilieva, E. V. *Kontseptsiya aktivnogo dolgoletiya: vozmozhnosti i ogranicheniya realizatsii v Rossii [The concept of active ageing: possibilities and limitations of implementation in Russia]*. Ekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch RAS, 2022. 190 p. DOI [10.17059/661-5](https://doi.org/10.17059/661-5). (In Russ.).
4. Ivanova, A. E. Potrebnost' naseleniya v dolgoletii i stepen' yeye realizatsii [The population's need for longevity and the degree of its implementation]. *Sociological Studies*. 2013. No. 2 (346). Pp. 120–129. (In Russ.).
5. Ivanova, A. E, Vangorodskaya, S. A. Active Longevity: Concept Definition, Key Determinants and Contradictions. *Management Issues*. 2024. Vol. 3, No. 88. Pp. 38–51. DOI [10.22394/2304-3369-2024-3-38-51](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-38-51). (In Russ.).
6. Kalachikova, O. N, Korolenko, A. V, Natsun, L. N. Theoretical and Methodological Foundations of Active Longevity Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 1. Pp. 20–45. DOI [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209). (In Russ.).
7. Sindyashkina, E. N. Healthy Life Expectancy in the Context of the United Nations Decade of Healthy Ageing. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. 2022. No. 1. Pp. 40–53. DOI [10.20542/afj-2022-1-40-53](https://doi.org/10.20542/afj-2022-1-40-53). (In Russ.).
8. Carroll, M., Bartlett, H. P. Ageing Well Across Cultures. In: *Routledge Handbook of Cultural Gerontology*. Ed. by J. Twigg, W. Martin. London : Routledge, 2015. Pp. 285–292. DOI [10.4324/9780203097090](https://doi.org/10.4324/9780203097090).
9. Yelyutina, M. E, Semenova, YU. A. Old Age in the Context of Age Transitions. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2025. Vol. 25, No. 1. Pp. 4–11. DOI [10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11). (In Russ.).
10. Rogozin, D. M. Healthy Lifestyle in Old Age. *Sociology of Power*. 2024. Vol. 36, No. 2. Pp. 55–77. DOI [10.22394/2074-0492-2024-2-55-77](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-55-77). (In Russ.).

11. Rogozin, D. M. Schast'ye i svoboda v starosti: vlast', seks, puteshestviya [Happiness and freedom in old age: power, sex, travel]. *Sociodigger*. 2022. Vol. 3. No. 5–6(18). Pp. 30–41. (In Russ.).
12. Rusanova, N. E. Demographics of Aging in Russia and in the World. *Analysis and Modeling of Economic and Social Processes – MCE*. 2024. No. 31. Pp. 116–131. DOI [10.20537/mce2024econ10](https://doi.org/10.20537/mce2024econ10). (In Russ.).
13. Smol'kin, A. A. Sociology of Age and the Boundaries of Social Construction. *Sociology of Power*. 2019. Vol. 31, No. 1. Pp. 8–13. DOI [10.22394/2074-0492-2019-1-8-13](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-8-13). (In Russ.).
14. Antonov, A. I., Nazarova, I. B., Karpova, V. M., Lyalikova, S. V. Threshold of Old Age: Objective Signs and Subjective Perception. *Population*. 2023. Vol. 26. No. 3. Pp. 131–143. DOI [10.19181/population.2023.26.3.11](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11). (In Russ.).
15. Avraamova, E., Loginov, D. Social Well-Being and Self-Actualization Opportunities: Wealth and Age Group Divide. *Economic Development of Russia*. 2018. Vol. 25, No. 11. Pp. 70–73. (In Russ.).
16. Vidasova, L. A., Grigoryeva, I. A., Krivoschapina, A. S. Career Expectations of the Elderly in Russia: Based on the Analysis of the Resumes' Database from the Rostrud Portal "Work In Russia". *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2024. No. 1(179). Pp. 26–47. DOI [10.14515/monitoring.2024.1.2430](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2430). (In Russ.).
17. Kosharnaya, G. B., Shchanina, E. V. Deprivation Factors for the Elderly in the Social-Labor Sphere: A Regional Aspect. *RUDN Journal of Sociology*. 2019. Vol. 19, No. 3. Pp. 481–493. DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493). (In Russ.).
18. Elyutina, M. E., Bolotov, G. I. Everyday Life of Elderly Family: Strategy Planning and Resources Austerity. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2017. Vol. 17, No. 1. Pp. 10–14. DOI [10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-1-10-14). (In Russ.).
19. Nazarova, I. B. Older Generation: Features of Communication with Children. *Population*. 2024. Vol. 27. No. S1. Pp. 81–93. DOI [10.24412/1561-7785-2024-S1-81-93](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-S1-81-93). (In Russ.).
20. Aleshnikova, V. I., Burceva, T. A., Nuriddinov, Z. A. Social Effect of Implementing Active Longevity Strategies. *Management (Russia)*. 2020. Vol. 8, No. 4. Pp. 86–93. DOI [10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-8-4-86-93). (In Russ.).
21. Kornilova, M. V. "Active Longevity": Searching for Answers to New Challenges (On the Example of the Program "Moscow Longevity"). *Discourse*. 2023. Vol. 9, No. 6. Pp. 74–89. DOI [10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-6-74-89). (In Russ.).
22. Vasilyeva, E. V. Active Ageing Index of Russian Regions: Alternative Approach. *Population*. 2022. Vol. 25, No. 3. Pp. 128–143. DOI [10.19181/population.2022.25.3.10](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.3.10). (In Russ.).
23. Lavrikova, Yu. G., Vasil'eva, E. V. The Concept of Active Longevity as a Tool for Ensuring the Economic Security of Territories in the Context of Population Aging. *Economics and Management*. 2022. Vol. 28, No. 1. Pp. 25–32. DOI [10.35854/1998-1627-2022-1-25-32](https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-1-25-32). (In Russ.).
24. Sinyavskaya, O. V., Chervyakova, A. A. Active Aging in Russia During Economic Stagnation: What Can We Learn from the Dynamics of the Active Ageing Index? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022. No. 5. Pp. 94–121. DOI [10.14515/monitoring.2022.5.2043](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2043). (In Russ.).
25. Frolova, E. A., Malanina, V. A. Active Ageing Index in Siberian Regions. *Economy of Regions*. 2021. Vol. 17, No. 1. Pp. 209–222. DOI [10.17059/ekon.reg.2021-1-16](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-16). (In Russ.).
26. Varlamova, M. *Active Ageing Index (AAI) in Non-EU Countries and Subnational Level*. Brussels : UNECE, 2018. 47 p. DOI [10.13140/RG.2.2.26188.87682](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26188.87682).
27. Zaidi, A., Um, J. The New Asian Active Ageing Index for ASEAN+3. *Asia-Pacific Sustainable Development Journal*. 2021. Vol. 28, № 1. Pp. 33–64. DOI [10.18356/26178419-28-1-2](https://doi.org/10.18356/26178419-28-1-2).
28. Vidasova, L. A., Grigoryeva, I. A. Subject Field of Active/Delayed Aging Research: Results of Scientometric Analysis and Mapping. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2023. Vol. 16, No. 1. Pp. 4–26. DOI [10.21638/spbu12.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.101). (In Russ.).
29. Grigorieva, I. A. The Field to Study Employment of the Elderly. The Intersection of State, Community, Family and the Elderly's Interests. In: *Personal starshego vozrasta kak chelovecheskiy kapital sovremen-nogo obshchestva: usloviya, vozmozhnosti, ogranicheniya [Older personnel as human capital of modern society: conditions, possibilities, limitations]*: Proceedings of the discussion panel of the VI All-Russian Sociological Congress, St. Petersburg, December 9, 2021. Nizhny Novgorod : Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2022. Pp. 25–33. (In Russ.).
30. Korchagina, I. I., Prokofieva, L. M., Ter-Akopov, S. A. Material Deprivations in Poverty Estimations. *Population*. 2019. No. 2. Pp. 51–63. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00015](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00015). (In Russ.).
31. Anisimov, V. N., Zharinov, G. M. Life Span and Longevity in Representatives of Creative Professions. *Advances in Gerontology*. 2013. Vol. 26, No. 3. Pp. 405–416. (In Russ.).

32. Kuznecova, P. Non-Monetary Poverty of the Elderly. *EKO*. 2018. Vol. 3, No. 525. Pp. 27–43. (In Russ.).

33. Ferrer, J. G., Sanz, M. F., Ferrandis, E. D., McCabe, S., Garsia, J. S. Social Tourism and Healthy Ageing. *International Journal of Tourism Research*. 2015. Vol. 18, № 4. Pp. 297–307. DOI [10.1002/jtr.2048](https://doi.org/10.1002/jtr.2048).

Bio notes

Alla E. Ivanova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ivanova-home@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0258-3479](https://orcid.org/0000-0002-0258-3479); RSCI SPIN-code: [7621-8398](https://www.rsci.ru/spin/7621-8398); Web of Science Researcher ID: [R-7551-2016](https://orcid.org/R-7551-2016); Scopus Author ID: [24329092500](https://orcid.org/24329092500).

Svetlana A. Vangorodskaya, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute of Social Demography FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vangorodskaya@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-1100-423X](https://orcid.org/0000-0002-1100-423X); RSCI SPIN-code: [1094-8083](https://www.rsci.ru/spin/1094-8083); Web of Science Researcher ID: [AAD-4597-2022](https://orcid.org/AAD-4597-2022).

The article was received on 12.11.2025; accepted for publication on 12.01.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.